

О СЛОВЕ «АЛМАЗ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Статья вторая

М.А. Бурибаева

Кафедра общего языкознания и теории перевода
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
ул. Мунайтпасова, 8, Астана, Республика Казахстан, 010000

В статье рассматривается роль и функционирование тюркских слов в русском языке на материале памятников русской письменности и Национального корпуса русского языка. В частности, прослеживается история вхождения слова «алмаз» в русский язык.

Ключевые слова: тюркско-славянские языковые контакты, памятники русской письменности, тюркизмы, алмаз.

В условиях восстановления и укрепления независимой государственности Республики Казахстан и национального возрождения появился особый интерес к проблеме изучения культурно-исторического наследия нации. Обращение к памятникам письменности, отражающим тюркско-славянские языковые контакты, историю, культуру тюркских и славянских народов, и комплексное их изучение важно для современной лингвистики, которая на перекрестке цивилизаций и эпох акцентирует внимание на языковых изменениях, межъязыковых контактах с целью воссоздания исторического прошлого и уточнения семантики языковых единиц.

Согласно данным этимологических исследований и лексикографических источников, слова, вышедшие из тюркских языков в разные исторические эпохи и в силу ряда историко-культурных, экономических причин, активно функционируют в русском, украинском, белорусском, болгарском, польском, чешском и других языках. Тезис о большом количестве тюркизмов, вошедших в русский язык, стал уже хрестоматийным. Тем не менее, непосредственный анализ древних письменных источников зачастую его не подтверждает. В наших исследованиях мы стремимся к описанию тюркской лексики на обширном фактическом материале (от памятников русской письменности до источников, представленных в Национальном корпусе русского языка), следуя в данном случае замечанию академика О.Н. Трубачева: «Долголетний уже опыт привел меня к убеждению, что надо стремиться преодолевать **монографизм** темы и, наоборот, всячески развивать то, что можно обозначить как **полигональность** исследования, то есть действовать примерно так, как советовал добрый советчик — создатель „науки о хорошей работе“ — праксиологии — польский академик Тадеуш Котарбинский: не взирая на предмет все время из одного и того же окна, а вглядываться в него каждый раз из нового окна...» [1. С. 229] (выделено нами. — М.Б.).

Основное внимание здесь сосредоточено на тюркизмах в русском языке, а именно: на особенностях функционирования тюркских слов в русском языке

* Рец. проф. Н.Ж. Шаймерденова (ЦГУ), доц. К.Р. Султанова (КМИ «Парасат»).

древнего, среднего и нового периодов, некоторых закономерностях их «существования» в памятниках русской письменности и тенденциях развития в современном русском языке.

Как известно, изучению истории появления и дальнейшего функционирования тюркизмов в русском языке, как и других славянских языках, посвящено огромное количество лингвистических исследований отечественных и зарубежных ученых, которые, однако, большей частью были выполнены на материале памятников русской письменности XI—XVIII вв.

Источником дальнейшего изучения «жизни» тюркского слова в современном русском языке часто выступают художественные произведения (прием сплошной выборки и следующий за этим анализ экскерпированного материала), а также лексикографические источники (толковые и двуязычные словари, словари языка писателя и т.д.).

При этом исследователями не учитывается тот семантический объем слова, который оно приобретает в живом современном языке на разных уровнях его существования, так же как и возможности появления формальных и семантических вариантов слова в диалектах, в устной речи и т.д.

Следовательно, по словам академика В.В. Виноградова, «...субъективные свидетельства современников о семантическом строе слова, о восприятии его в ту или иную эпоху должны быть процежены через сито исторических фактов». При описании тюркизмов в русском языке недостаточно ограничиваться определенными хронологическими рамками — важно учитывать «жизнь» слова на всех уровнях языка, на всех этапах его развития, и даже интереснее наблюдать, какую семантическую и внешнюю «окраску» они приобрели в русском языке на рубеже веков.

Уникальным источником для анализа тюркизмов в современном русском языке является Национальный корпус русского языка, который, по мнению известного казахстанского ученого Э.Д. Сулейменовой, до сих пор не в полной мере используется отечественными лингвистами.

Выступая на II Международном конгрессе «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии» (Астана, 2009), она отмечала: «Для основной массы исследований последних десятилетий характерна органичная связь с теорией коммуникации, теорией референции, семиотикой, культурологией, социологией, поэтикой, когнитивными науками, герменевтикой и другими науками, что, с одной стороны, позволяет анализировать русский язык с новых позиций и с помощью нового метаязыка, с другой стороны, — делает казахстанскую русистику адекватной современной парадигме мировой лингвистики и науки в целом. Вместе с тем следует отметить и некоторое отставание казахстанской русистики, крайне редко прибегающей в своих исследованиях к богатейшим ресурсам корпусной лингвистики (в частности, фрагментарно используется Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru))» [2. С. 20].

Как пишет В.А. Плунгян: «Корпус — это электронное собрание текстов, размеченное таким образом, чтобы в нем можно было быстро найти слова и конструкции с заданными грамматическими и другими интересными лингвистическими свойствами» [3. С. 7].

Из определения видно, что на смену «устаревших» методов сбора языкового материала и обработки информации приходят «новые» — «комплексные», учитывающие функционирование языка, языковых единиц или слова на определенном этапе (или этапах), во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов.

Важность и необходимость обращения лингвистов при изучении истории того или иного слова к Национальному корпусу русского языка обосновывается тем, что «в корпус попадают образцы практически любого существующего в русском языке письменного дискурса — от статьи современного музыкального критика до инструкции по уходу за кактусами, от рассказов Пелевина до справочника по физике» [3. С. 8].

Как отмечают разработчики, «национальный корпус предназначен в первую очередь для обеспечения научных исследований лексики и грамматики языка, а также тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке на протяжении сравнительно небольших периодов — от одного до двух столетий. Другая задача корпуса — предоставление всевозможных справок, относящихся к указанным областям (лексика, грамматика, акцентология, история языка)» [4].

Итак, корпус позволяет нам максимально выявить тюркизмы в современном русском языке, на материале отобранных из всех созданных в настоящий момент подкорпусов, пронаблюдать, насколько данные, когда-то заимствованные иноязычные слова адаптировались в языке, и какие семантические трансформации они пережили. Ведь, как пишет В.П. Синячкин, «...более детальное исследование некоторых заимствований подводит нас к выводу о том, что за тюркизмами, „вросшими“ в русскую культуру, кроется гораздо больше, чем то, что мы видим на поверхности. Я имею в виду не только историю взаимоотношений и взаимосвязей между земледельцем и кочевником, но и историю языковых взаимодействий между ними, наложивших свой отпечаток на русский язык. Тюркизмы, как „родимые пятна“, по определению Л.А. Новикова, выдают свое происхождение, хотя нередки случаи исчезновения их из употребления носителями тюркских языков, но продолжают обслуживать культуру русскую» [5. С. 26].

Например, такие тюркизмы, как *алмаз, палач, кандалы, кольчуга, лачуга*, адаптировались в лексической системе русского языка в такой степени, что без опоры на этимологические источники «с первого взгляда» порой трудно определить их иноязычность, чужеродность. Так, слово «алмаз» — «прозрачный преимущественно бесцветный драгоценный камень с сильным блеском, самый твердый из всех минералов» [6. С. 8] — известно любому носителю русского языка, а историю его вхождения в русский язык вряд ли знают современники.

«Историко-этимологический словарь современного русского языка» свидетельствует, что слово «алмаз» в значении «прозрачный драгоценный камень, отличающийся необыкновенной твердостью», употребляется в украинском, белорусском, болгарском языках. В других славянских языках *алмаз* называют *диамантом* (в серб., хорв., чеш., польск. языках). Примечательно то, что в немецком, французском, английском, итальянском и испанском языках также существует подобное слово, восходящее к позднелатинскому *diamas* [7. С. 38].

Между тем в памятниках русской письменности слово «алмаз» с вариантом «олмаз» встречается в XV в., например, в «Хожении» Афанасия Никитина (по Троицкому списку):

«В Рачюре же родится алмазь» (л. 382 об.); «да на шапкѣ ... алмазь великъ» (л. 385); «а в Курыли же алмазьниковъ триста» (л. 390 об.) [7. С. 38].

В XVII в. слово «алмаз» активно употребляется в русском языке и приобретает большой словообразовательный потенциал. Об этом мы узнаем из «Словаря русского языка XI—XVII вв.» и Картотеки ДРС:

А по краям и берегам морским драгоценных камней — акинфов, алмазов... — добре много (Сказ. Роск. Житии, 40. XVII в.).

Аще воин тотъ камень олмазь на лѣвой странѣ носить или во оружии или во иных платяхъ тогда опасень бываетъ от своихъ супостать (Травник Любч., 653. XVII в. ~1534 г.).

Как отмечает П.Я. Черных, данное слово в русский язык «пришло» с Востока: оно зафиксировано в арабском, персидском, афганском, турецком языках в различных графических вариантах, однако на Востоке и на Кавказе оно не является исконным. Первоисточником оказывается греческое *αδάμας*, род. *αδάμαντος* — «несокрушимый», которое в свою очередь восходит к латинскому *adamās*, обозначающему «алмаз», а также «твердый металл» [7. С. 38].

Таким образом, «это слово из Греции было занесено на Восток, позже усвоено арабами (по-своему осмыслившими это слово) и при их посредстве получило широкое распространение в ближневосточных странах, откуда — в преобразенном виде — вернулось в Европу. Каким образом это слово попало в русский язык, сказать трудно. В „Хожении“ Афанасия Никитина оно, может быть, из персидского языка. Но и в тюркских языках это слово (заимствованное из арабского) известно с давнего времени и из тюркских языков могло попасть в русский. Дмитриев... относит его к „тюркизмам, требующим дополнительной аргументации“» [7. С. 38].

Е.Н. Шипова в «Словаре тюркизмов в русском языке» пишет: «...Огиенко считает *алмаз* древним иранским заимствованием тюрков (1915, 31). К тюркам слово *алмаз* попало от арабов (из греч.), впервые упоминается в *Cod. Sum* (Дмитриев, 1958, 38). Радлов *алмас* (тел. каз., кирг., казан., ком., кар.) 1. драгоценный камень; 1. сталь <...> 6. алмас (тел., каз., казан., тоб.) диамант (*jalmas*) [8. С. 30].

В.И. Даль представляет следующее толкование: «первый по блеску, твердости и цѣнности изъ дорогихъ (честныхъ) камней; адамантъ, бриліантъ» [9. С. 11].

Интересно, что в современном русском языке зафиксировано одно производное слово — *алмазный*, об этом можно судить по «Комплексному словарю русского языка» (например, *алмазный перстень*), в то время как в XVII—XIX вв. слово «алмаз» имело несколько словообразовательных моделей, оканчивающихся преимущественно на суффиксы *-ень*, *-ец*, *-ник*, *-щик*, обозначающих некое действие, величину (размер) предмета и лицо (человека). Например:

А покупають они алмазь сами у нѣмецъ на *алмаженье* и на розрѣзь камня дорогою ценою (Вед. о Кит. Зем., 28. 1669 г.); Степану олмащику за *олмаженье* отъ 5 камней (Заб. Мат. I, 18. 1629 г.);

Запона съ финифты, а в ней *алмазецъ* червчатъ (Оп. Им. Тат., 36. 1608 г.); Перстень золотъ гладкой, а въ немъ *олмазецъ* не великъ (АИ II, 406. 1612 г.).

А егда его [камень рубинос] выкопываемъ, тогда невелику в себѣ черность со- держит: а егда *олмазникъ* лице наложит, тогда онъ свѣтѣль будет (Травник Любч., 70б. XVII в. ~1534 г.); Антону Минстеру работному и *алмазнику* дано кормовыхъ денегъ на 3 мѣсяцы по 30 гулденъ (ДАИ V, 231. 1667 г.).

Степану *олмашику* за олмаженъе отъ 5 каменей (Заб. Мат. I, 18. 1629 г.); Да торговые люди кадашевецъ Козма Ивановъ, *алмазчикъ* Иванъ Кириловъ, смотри камени яхонта, сказали, что купцовъ на него въ Московскомъ государствѣ не бу- деть (ДАИ X, 372. 1695 г.).

Приведенные примеры показывают, что тюркские слова довольно успешно функционируют на страницах древних текстов, образуя словообразователь- ные гнезда, где даже сами производные слова «подвергаются» процессу вариатив- ности. Данный факт еще раз подтверждает успешное, активное функционирование тюркских слов в Древней Руси, поскольку деривативная активность слова в рус- ском языке древне- и среднерусского периода свидетельствует об его успешном функционировании на протяжении нескольких веков. Такую вариативность можно показать на примере слова «алмаз» (см. схему 1).

Схема 1. Вариативность лексической единицы алмаз в текстах древнерусского и среднерусского периодов

В.И. Даль приводит и другие примеры употребления слова «алмаз» в XIX в.: «*Это алмазецъ порядочный; это алмазникъ годный; это алмазника дрянной; а вот алмазище царскій*». «*Алмазистый, алмазовидный, подобный ему, сходный съ нимъ*». По его словарю мы узнаем, что *алмазникъ* — это «торгующій честными каменья- ми», а *алмазчикъ* — это «бриллианщикъ, ювелиръ, кто гранить алмазы или оправ- ляетъ дорогие каменья» [9. С. 11].

В современном русском языке слова *алмазник*, *алмазчик*, *алмаженъе* вышли из обиходного употребления, и, по всей видимости, их заменили слова *ювелир*, *мастер*, *стеклолыщик*.

Таким образом, «исторический путь» слова «алмаз» в русский язык можно по- казать в виде следующей схемы:

латинский язык → *греческий язык* → *арабский (или персидский)* → *тюркские язы- ки* → *славянские языки*.

Однако и эта «карта» путешествия слова несовершенна, гипотетична и требу- ет дальнейших научных изысканий. Очевиден тот факт, что слово «алмаз» значи- тельно пополнило лексический фонд современного русского языка, оно активно употребляется и даже является «самым первым» предметом для вдохновения, сравнения и восхищения, что можно представить иллюстративными материалами из поэтического корпуса русского языка:

«Бесценный алмаз, оброненный в ночи, Раб ищет при свете грошовой свечи, Но зорко он смотрит по пыльным дорогам, Он ковшиком держит сухую ладонь,

От ветра и тьмы ограждая огонь — И знай: он с алмазом вернется к чертогам» (И.А. Бунин. Поэту, 1915).

«Горит алмаз, блестят короны, И вокруг соборов и дворца, Как юных листьев миллионы, Обращены к тебе сердца» (А.А. Фет. 15 мая 1883 г.).

«Дорида милая, к чему убор блестящий, Гирлянды свежие, алмаз, огнем горящий, И ткани пышные, и пояс золотой, Упругий твой корсет, сжимающий собой. Так жадно, пламенно твои красы младые, Твой стройный, гибкий стан и перси наливные?» (А.Н. Майков. Дориде, 1840).

«В дали я видел сквозь туман, В снегах, горящих как алмаз, Седой, незыблемый Кавказ; И было сердцу моему Легко, не знаю почему» (М.Ю. Лермонтов. Мцыри, 1839).

«У русского царя в чертогах есть палата: Она не золотом, не бархатом богата; Не в ней алмаз венца хранится за стеклом: Но сверху до низу, во всю длину, кругом, Своєю кистию свободной и широкой Ее разрисовал художник быстроокой» (А.С. Пушкин. Полководец, 1835).

«Румян французских иштукатура; Шатер, не шляпа на плечах; Под шалью тощая фигура, Вихры на лбу и на щеках, Одежды легкой подозренье; На перстне в десять крат алмаз: Все это смертным в удивленье, По свету возят на показ В карете модно-золоченой И называют — Альцидоной!» (В.А. Жуковский. «Румян французских иштукатура...», 1806).

Итак, тюркизмы в функциональном и количественном отношении составляют заметный пласт в лексической системе русского языка, их многоаспектное исследование является ценным материалом для тюркско-славянской контактологии и в целом для исторической лексикологии русского языка. Богатый языковой материал, собранный в Национальном корпусе русского языка, позволит изучать историю тюркского слова в русском языке на рубеже нескольких веков.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Трубочев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. — М.: Наука, 2003.
- [2] Сулейменова Э.Д. Новые научные парадигмы в казахстанской науке о русском языке // Сб. мат-лов II международного конгресса «Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии». — Астана: ИД «Сары-Арка», 2009.
- [3] Плузган В.А. Зачем нужен национальный корпус русского языка? Неформальное введение / Сайт Национального корпуса русского языка. URL: www.ruscorpora.ru
- [4] URL: www.ruscorpora.ru
- [5] Синячкин В.П. Влияние тюркизмов на формирование русского языкового сознания / «Интерактивные методы в языковом обучении» для преподавателей этнолингвистических (воскресных) школ. — Астана, 2011.
- [6] Комплексный словарь русского языка / Под ред. А.Н. Тихонова. — М.: Рус.яз.-Медиа, 2005.
- [7] Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. — 7-е изд., стереотип. — М.: Рус.яз.-Медиа, 2006. — Т. 1.
- [8] Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1976.
- [9] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. — Т. 1: А—З. — М.: Рус. яз.-Медиа, 2006.

Сокращения названий источников

- ДАИ V* — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. — Т. V. — СПб., 1853. 1665—1674 гг.
- ДАИ VI* — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. — Т. VI. — СПб., 1857. 1670—1676, 1650—1674 гг. (в прибавл.).
- ДАИ X* — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. — Т. X. — СПб., 1867. 1682—1683 гг.
- Заб. Мат. I* — Материалы для истории, археологии и статистики города Москва, собранные и изданные руководством и трудами И. Забелина. — Ч. 1. — М., 1884. XVII—XVIII вв.
- Оп. им. Тат.* или *Оп. Тат.* — Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева во 116 году // *Врем. ОИДР*, 1850. — Кн. 8, смесь. — С. 1—40. 1608 г.
- Травник Любч.* — Травник (Лечебник) / Перевод Немчина Николая Любчанина [Булева], 1534 г. — Рукоп. ГИМ, Увар., № 387 (1), Царск. № 615). XVII в. [Hortus Sanitatis. Strasburg, 1490].
- X. Афан. Никит.* или *Аф. Ник. Хожд. за три моря* — Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. / Под ред. Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1948, сп. XVI—XVII вв.

ON THE WORD “ALMAS (DIAMOND)” IN RUSSIAN

Second article

M.A. Buribaeva

The General Linguistics and Theory of Translation Department
The Euro-Asian National University n.a. L.N. Gumilev
Munajtpasov str., 8, Astana, the Republic of Kazakhstan, 010000

The article considers the role and functioning of originally Turkish words in Russian proceeding from monuments of the Russian literary writings and the National Russian Language Case. In particular, the history of occurrence of the word “almas (diamond)” in Russian is being traced.

Key words: Turk-Slavonic language contacts, monuments of the Russian literary writings, Turkism, almas (diamond).